

Виктор Финкель



Я  
ЛЮБЛЮ  
ТЕБЯ, і



Виктор Финкель

Я ЛЮБЛЮ  
ТЕБЯ, і

*Рассказы и повести*

БОСТОН • 2023 • CHICAGO

**ВИКТОР ФИНКЕЛЬ** Я люблю Тебя, і. *Рассказы и повести*

**VIKTOR FINKEL** I Love You, I. *Short stories*

Copyright © 2023 by Viktor Finkel

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-950319-99-2

Published by

**M•GRAPHICS | BOSTON, MA**

✉ [mgraphics.books@gmail.com](mailto:mgraphics.books@gmail.com)

🖥 [mgraphics-books.com](http://mgraphics-books.com)

In cooperation with

**BAGRIY & COMPANY | CHICAGO, IL**

✉ [printbookru@gmail.com](mailto:printbookru@gmail.com)

🖥 [www.bagriycompany.com](http://www.bagriycompany.com)

Proofreading by Julia Grushko

Book design by Yuliya Timoshenko

Cover design by Larisa Studinskaya

Author's photo by Michael Polyakov

Printed in the United States of America

# Содержание

## Рассказы

На излёте . . . . .	13
Пятьдесят первая командировка . . . . .	23
Озерцо моё, родниковое . . . . .	37
Любовь и сталь . . . . .	46
Ожерелье гордости . . . . .	65
Сибирский Казанова . . . . .	93
Дикие заросли сердца . . . . .	107
Мелкая сибирская бесовщина . . . . .	118
Фиеста души нашей . . . . .	127
Профессорские страдания . . . . .	143
Сибиряк . . . . .	157
Васильичи . . . . .	169
Клоун . . . . .	183
Моше . . . . .	207
Гладиатор . . . . .	222
Сталегорец . . . . .	248
«Итак, она звалась»... Авророй . . . . .	262
Я люблю Тебя, <i>i</i> . . . . .	282
Амазонка XXI . . . . .	302
Память души . . . . .	319

## Повести

Спасите наши души . . . . .	335
Митгельшпиль . . . . .	360
Пасынки века . . . . .	407

*Сердечно благодарю*

*Анну Макарову*

*Михаила Полякова*

*Татьяну Полякову*

*Михаила Финкеля*

*Инну Швец*

*Беллу Дрейцин*

*Леонида Дрейцина*

*за помощь при подготовке книги*

*Светлой памяти моей чудесной,  
моей сказочной, моей неповторимой  
и незабываемой дочери Танечки —  
Татьяны Викторовны Поляковой  
посвящается*



*Доченька моя,  
Ты многое сделала в этой жизни!  
Ты создала прекрасную семью, Ты направила её по  
пути Торы, Ты родила четверых детей и все они ис-  
кренне верующие люди! И на Твоих похоронах зачиты-  
вали письмо рэбая, который знал Тебя и высоко ценил  
Твои кристально чистые, Бож-кие устремления.*

*Девочка моя, Ты всегда была мудрым человеком высокого интеллектуального полёта, Личностью! Доченька моя, Ты была создана для этого Мира. И Ты так безвременно покинула его...*

*Красивая, миниатюрная, женственная, с точёным и благородным лицом и, вместе с тем, мужественная, отважная Танечка, с чёрным поясом по каратэ! Чудесная еврейская женщина!*

*Ты принесла в этот мир море душевной теплоты, бескорыстия, доброты и готовности понять и помочь! И Ты, действительно, помогла многим!*

*Я люблю Тебя!*

*Папа*





*Расказы*

## На излёте<sup>1</sup>

*Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё — суета и томление духа... И сказал я в сердце моём: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказала я в сердце моём, что и это — суета; ... И нашёл я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце её — силки, руки её — оковы; добрый, пред Богом спасётся от неё, а грешник уловлен будет ею...*

**Книга Екклесиаста**

**П**утешествие из Сталегорска в Сибирск всегда было долгим, нудным и неприятным. Сначала вас везли в составе куда-то на восток, а потом Сибирский вагон отцепляли в тайге, и должен был он целую ночь стоять в тупике, ожидая, пока лишь к утру его прицепят к поезду, следующему на Сибирск. И если спать под перестук колёс идущего поезда было, быть может, и некомфортно, но естественно, то ночевать в общем вагоне, одиноко стоящем в беспредельной вымерзшей сибирской степи, представлялось диковатым. Топили проводники от души, и жаркий воздух был настоян на «аромате» полусотни распаренных тел. И этот коммунальный потный «рай» мог взбесить и обессонить кого угодно. Что до Григория, то ему и вовсе не спалось — здесь, как раз на этой станции, десять лет назад он попал в неладную историю и мог при ином раскладе и вовсе отдать концы. Но бог миловал...

<sup>1</sup> Certificate. Writers Guild of America. 2002. Viktor Finkel.

Рассказ был опубликован в газете «Филадельфия» (№ 22, 2002), в журнале «Кругозор» (январь, 2012), в журнале «Зарубежные задворки» (30 апреля, 2014, в разделе «Проза», 01.05.2014), в журнале «Новый континент» (06.01.2016) и в книге «Пятьдесят первая командировка» (Филадельфия, 2003).

А было дело так. Во время очередного неурожая пожаловал в сибирские края Каганович... Недоброй памяти то ли деятель, то ли выродок. Сейчас и определить трудно — уж больно долго прожил, — где-то около сотни. Если бы был просто позором своей нации, был бы за великие грехи убран раньше. А дотянуть до сотни — это значило: либо была у него какая-то тайная заслуга перед своим народом, либо был в своей органической, страшной да кровавой штатной роли — дьяволом был он. Иных причин долголетия при его-то сатанинском «послужном списке» быть, пожалуй, не могло... Так вот, приехал он, и погнали миллионы сибиряков из городов в деревню, в колхозы, спасать от бесхозности и равнодушия, от чудовищного наплевательства и беспробудного пьянства то, что ещё уцелело, что ещё не сгубили на корню. Как будто тиранической глупостью и насилием над миллионами горожан можно что-нибудь спасти. Григория, только кандидатский минимум сдал, и забросило тогда злой волей в колхозик, неподалёку от этой самой тайги. Он и ещё трое инженеров металлургического завода возили зерно с тока на эlevator. Возглавлял экипаж местный шофёр, никогда не просыхавший симпатичный паренёк. В тот раз они заняли у Григория немного денег, прикупили с пяток здоровенных бутылок казахского вина и крепенько приложились. Смешно, но не пил только сам Григорий, за что и был наказан. Ехали они с тока на своей грузовой. Как и всегда, её завалили под обрез бортов пшеницей. Потом по периметру кузова уложили завязанные мешки с зерном и пространство между ними засыпали пшеницей опять под уровень, теперь уже мешков. А уж по верху этой хлипкой этажерки, по всем канонам человеколюбивой социалистической техники безопасности, обрелись и четверо инженеров — как известно, кадры решают всё. У Григория было своё место — лежал он вдоль кабины поперёк движения и спал, как всегда. Всё бы хорошо, только за сто метров от элеватора, что возле самой железнодорожной станции, завертелось с казахского креплёного что-то в и без того замутнённых мозгах да перед хмельными глазами шофёра и, содеяв идиотский вираж-другой, завалил он трехтонку на бок в чистом, ровном во поле. Как и водится, всем, кто выпил, море по колено — шофер-алкаш протёр глаза, троих инженеров, как из катапульты, выбросило за борт и припорошило зерном — считай, что и не заметили, что произошло. А вот не выпившему

дураку Григорию не повезло. Когда машина падала, соскользнул он по салазкам пшеничным прямо под кабину. Руку сломал об землю. Подножкой — в те технически незрелые года, слава б-гу, их ещё делали деревянными — перемяло ногу, а кабинкой вмазало по затылку, так сказать, сотрясло... Признать надо, ещё повезло — всё могло быть куда как хуже... Так что, куда ни кинь, тайга была для него едва ли не родным местом...

Заваленный снегом Сибирск встретил его жестоким декабрьским морозом. До пятьдесят четвёртого город вообще не строился, и жили тысячи преподавателей в деревянных развалюхах конца минувшего века. Да и весь город, кроме одной скромной центральной улицы, смотрелся заброшенной дореволюционной купеческой и рабочей слободой. И только потом, после двадцатого съезда, начали понемногу строить. Но социалистическая двадцатка, не дал б-г, так и не превратилась в полновесное и полно значимое демократическое очко. Застряли где-то на переходе на полу столетие, а может быть, и навсегда. С тех пор так и торчим фигой, живым укором всему миру и самим себе. Вот и Сибирск остался заброшенным академическим городом, в сравнении с растущими промышленными центрами. Но город этот Григорий любил, бывал в нём десятки раз и, хотя всегда чувствовал себя в нём чужим, отдавал ему должное. И небольшой город этот стоил того. Взять хотя бы то, что счастливо отличало его, ну скажем, всего лишь одной, отсутствующей буквой «м» — недобрый намёком от Симбирска. Над этим городом, понятное дело, пронесли страшные кровавые советские годы — смерчи, и не считано — не меряно было постреляно и порублено голов и судеб. А уж сколько выселено... — благо, Север рядом, рукой, особливо дьявольской, подать. Но, несмотря на всё это и вопреки всему, этот город на отшибе как-то, уж и непонятно как, сберёг ауру, культуру, или, скажем, тень культуры дореволюционных лет. И сказывалось это по-разному. Ну, например, в нём было много «недострелянной» беспартийной профессуры, в том числе и дореволюционной. И порой она, профессура эта, сохраняла колоритные, купчески-вольготные нравы. Так, известный в стране профессор математики и заведующий кафедрой вечерами отдыхал необычным образом. Имел он собственный выезд и в тёплом зипуне, перевязанном кушаком, и в огромном треухе заливатски, а говорят, и со свистом, за деньги развозил приезжих

с вокзала по городу. Не было в Сибирске и обычно во всех остальных регионах страны массового повального, под чистую, изгнания евреев из штатов преподавателей. Более того, иной раз, правда, совсем уж редко, даже принимали евреев в аспирантуру...

Приехал Григорий сейчас в качестве оппонента по кандидатской диссертации и, как водится, встретил его подзащитный и отвёз в гостиницу. Было это стандартно. А вот на следующий день, часов в 11 утра, началось нестандартное. В гости с визитом вежливости пожаловал в номер к Григорию научный руководитель соискателя — заслуженный деятель науки и техники, профессор Тарисов. А чтобы было понятным, заметить надо, что Григорию было тридцать семь, и только год назад он защитил докторскую. А Заслуженному Деятелю, действительно крупному и признанному в стране учёному, было хорошо за восемьдесят пять! И за спиной его были книги, учебники, море публикаций и до сотни подготовленных кандидатов и докторов! Пришёл же потому, что был это его глубинный интеллигентный стиль, не наигрыш, не показуха, а органика, — выразить признательность пусть молодому, но коллеге, проделавшему немалый путь, чтобы поддержать его, Тарисова, ученика. В другие времена быть бы Тарисову академиком из академиков. Но не в эти годы и не в этой стране, где академия зазналась окончательно, вузовских держала в чёрном теле и к себе и к своему пирогу не допускала. И самое большее, на что мог рассчитывать блестящий вузовский профессор, — это, похожее на утешительный забег в спорте, почётное звание Заслуженного к пенсии, не дававшее никаких преимуществ, разве что быть похороненным поближе к центру кладбища.

Аккуратный, не располневший, довольно подтянутый человек с усталым и подсушенным возрастом лицом, с глазами уже выцветшими, с глубоко запавшими белыми озёрцами с синими прожилками сосудов под ними. Среднего роста, был он одет в скромное тёмное пальто со староватым, поношенным меховым воротником. Однако, когда раздевался, заметил Григорий, что пальто было на прекрасном настоящем меху, и понял — со старых времён сохранилось. Костюм, галстук, рубашка — всё было не слишком броским, но чистым и ладным. Одно не гармонировало. На ногах были дешёвые чёрные фетровые ботиночки, так называемые боты «прощай молодость», основание

которых было оторочено чем-то резиновым и галошеподобным. Те самые, которые носили бабушки. Не современные импортные ботинки с каучуковой платформой, с мехом внутри, со змейкой, тёплые и элегантные, а фетровые — явная уступка возрасту и большим ногам.

Это был профессор ушедших времён — реликт в своём роде. Неподдельная деликатность и внимание к собеседнику расплавляли и обезоруживали вас — человека своего сурового рабоче-крестьянского времени. И вы переходили на его язык — спокойный, тактичный. В нём не было и тени агрессивности — и встречно смягчались вы. Он светился приветливостью и улыбочивостью — и ваше лицо расплывалась, помимо вашего настроения и привычной насторожённой сдержанности. Славный он был, тонкий и умный, и с ним было просто, легко и уютно. По регулярным публикациям в научных журналах и по внутринаучным слухам Григорий знал: заслуженный деятель, несмотря на возраст, находился явно на достойной профессиональной высоте — читал лекции студентам, фонтанировал идеи, внедрялся на заводах, аспиранты его защищались косяками...

Но удивляться пришлось Григорию ещё не раз в этот день... Пробыл у него Тарисов не более тридцати минут, а к часу Григория отвезли на кафедру, где познакомили с лабораториями и с коллективом. Кафедра была большой, с многочисленными лабораториями и промышленными участками, с разнообразным оборудованием, но всё или почти всё было довольно старомодным и неухоженным. Однако главным было не это — всюду вертелся молодой и динамичный аспирантский люд. Познакомили его и с тремя доцентами. Центральной фигурой среди них, безусловно, была стройная тридцатипятилетняя женщина с гордой посадкой головы, длинной шеей, строгой причёской кубликом, со свободными, порывистыми раскрепощёнными движениями и лёгкой и быстрой речью, насыщенной профессиональными терминами и явным пониманием дела. Её фамилию Григорий знал — она была одним из основных соавторов Тарисова в центральных журналах. Смущало другое: её смелый, почти вызывающий, прямой и слегка ироничный взгляд, попытка с лёгкой насмешливой улыбкой упереться своими глазами в ваши, слишком свободные позы. Могла она, например, присесть на краешек стола глубже, чем следовало бы и внимательно фиксировать ваши реакции на обрисовываю-

щиеся теперь бёдра и колени. Всё это создавало у гостя ощущение, что он под прицелом и его, в первую очередь, оценивают, как мужчину, самца, безотносительно к научным званиям, степеням, должностям, семейному положению и пр. Она пребывала в непрерывном движении, не в грубом макроскопическом перемещении, а в своего рода микроскопических колебаниях — черт лица, кистей рук, талии, ног. Всё это было в рамках приличия, но собеседник невольно, мысленно продолжал эти движения, как бы заражаясь ими и видя их уже в совсем иных, альковных обстоятельствах... В сущности, вас совращали прямо в беседе... При всех... Час спустя, беседуя в коридоре с подзащитным, боковым зрением заметил Григорий, как стремительно идущая Мария Сергеевна змеиным движением прогнулась в талии и как бы невзначай коснулась бедром проходящего мимо молодого человека... Заметил это и его собеседник. Он закусил губу, взглянул на Григория и, поняв, что тот тоже видел, тихо промолвил: «Хозяйка!». Час спустя Григорий знал всё или почти всё...

Тарисов был действительно генератором идей и научным руководителем. Что же касается быта кафедры, то командовала через шефа здесь она — его многолетняя любовница, в сущности, гражданская жена. Она никого не боялась и нечего не стеснялась, и едва ли не все аспиранты Тарисова были её любовниками. Все единогласно признавали её ум и безусловную работоспособность, в том числе и сексуальную. Что касается главного, то жила она талантом Тарисова и с его помощью готовилась к защите докторской диссертации. Говорили, действие это не за горами. Вот только что было главным в её жизни?... Скажем, известно, что немцы загоняли женщин оккупированных территорий в бордели. Никто и не спорит — правда это. Только не вся правда... Была и другая... Многие шли в бордели, особенно офицерские, добровольно. Уж очень много любителей да почитателей этого спорта оказалось среди женского рода-племени. Даже бескорыстных подвижниц, так сказать, служителей этого «искусства»... Уж и не знаю, что бы делала Мария Сергеевна в оккупации, но на Тарисовской кафедре она развернулась всласть... Ненасытности, изобретательности и неразборчивости была исключительной. Коллекция её походов в устном фольклоре кафедры и института составляла десятки эпизодов. Многие из них отличались колоритностью и яркостью Декамерона.

Простейшим был случай, когда вечером Тарисов водил своих гостей по опустевшей кафедре. И когда открыл дверь одной из неосвещённых лабораторий, из-под стола стремительно вылетела голая пара — его верная Мария Сергеевна и аспирант-первогодок, — и сиганула в открытое окно во двор. Благо кафедра располагалась на первом этаже. Другой раз её засекли с ассистентом в спектральной лаборатории при включённом, искрящем, шумящем и озонирующем спектрографе, на который она опиралась, наклонившись вперёд. Не многим лучшей была и коллизия в фотолаборатории. «Неприступный» доцент с гордой посадкой головы совратила штатного фотографа во время проявления плёнки по её исследовательской работе. Свет выключили, но штору на двери не задёрнули. Кто-то неосторожно дёрнул дверь, крючок слетел, и сотруднику предстал забавный вид отпрянувшего к правой стене спиной фотографа со спущенными на пол брюками, не больно-то успешно прикрывающего рукой срамное место, и незащищённо открывшуюся для неосторожного взгляда, стонущую в экстазе с закрытыми глазами Марию-свет-Сергеевну, сидевшую с высоко поднятыми, действительно прекрасными ногами и задранной юбкой на столе, между сдвинутыми кюветами с химреактивами. В блаженстве и отключенности она даже не успела отреагировать на сложившуюся ситуацию и была видна вся, — что называется, «от Москвы до самых до окраин...». Но история эта описанным эпизодом не завершилась. Через полчаса наша героиня — доцент ведь, — должна была читать лекции студенческому потоку о сотне душ. А юбка, меж тем, в процессе решительного рандеву, попала в фиксаж и обесцветилась... Сменить её было нечем, сходить домой она не успевала... Так и читала лекцию в мокрой и мятой чёрной юбке с белым задом... Кстати, чудесной формы. Всё норовила спиной прижаться к доске...

Последний случай крепко повлиял на её поведение в чисто техническом отношении. На какое-то время она перешла на аспиранта рентгеноструктурщика, и ими обоими, как настоящими экспериментаторами, были приняты незаурядные меры предосторожности. Рентгеновская лаборатория состояла из нескольких изолированных баритовой штукатуркой боксов, в каждом из которых стояла рентгеноструктурная установка. Один из боксов был специально переоборудован ими. Идея заключалась в том, что перед включением аппарата пультом,



стоящим снаружи, предполагалось, что освинцованная дверь плотно закрыта и замыкает контакт. Только в этом случае аппаратура и могла включиться. При этом начинался громкий гул и заметная вибрация самого пульта, а также зажигались два табло с предупреждением о высоком напряжении и о радиации. Ясное дело, что смельчаков открыть дверь теперь не находилось. Что касается наших героев, то, закоротив контакты на притолоке, они теперь не зависели от двери — была бы лишь прикрытой, да запертой изнутри. Снаружи же всё горело и дрожало. Надо сказать, что ранние послевоенные рентгеноструктурные установки защиты против радиации практически не имели, и пара, сжигаемая страстью, обшила две стенки установки — от пола до чугунного операционного стола, на котором крепилась сама рентгеновская трубка, листами свинца. Всё действие свершалось прямо на полу — подниматься выше стола было никак нельзя — там интенсивность излучения была намного большей. Кстати, и внизу радиации хватало — рентгеновская трубка гнала рассеянное излучение вниз и внутрь операционного стола, и любовников от него отделяли лишь полмиллиметра железа да миллиметр свинца — не густо... Кроме того, внутри стола постоянно и тревожно гудел работающий высоковольтный трансформатор о семидесяти тысячах вольт (!)... Но чего не сделаешь «ради любви», какие жертвы не принесёшь на алтарь страсти? Надо сказать, что эта технология сработала, и их не застали ни разу. Может быть, никто так бы и не узнал, но через пару месяцев аспирант рентгеноструктурщик надоел Марии Сергеевне, и она сменила его новым «фаворитом». Тут-то, оскорблённый отставкой, старый и проговорился...

Защита прошла формально и спокойно, как и предreshённое голосование. А потом был, как водится, банкет, весьма скромный, впрочем. Собралась лишь кафедра и два оппонента. После дежурных тостов начались танцы. Тарисов прошёлся с Марией Сергеевной несколько кругов в танго, а потом сел к столу и, потягивая красное сухое вино, смотрел на её неутомимое перебирание партнёров. Взгляд его опустился к спокойной поверхности вина... Как на отражающий экран смотрел. Как на зеркало, где пролистывались и явно шли к концу страницы его уходящей жизни... А ведь начиналось всё так хорошо, так оптимистично... И вот такой финал — 10 лет рядом с этой, неко-

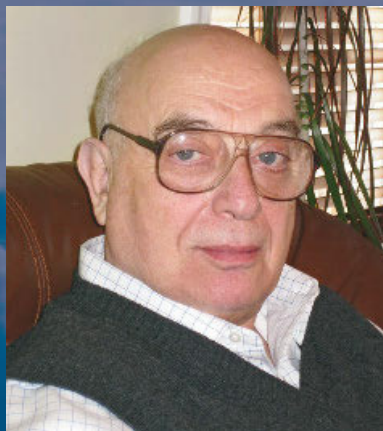
гда чистой и очаровательной, а теперь обезумевшей от жажды греха стервой. Страшно, что все всё знают, и знают, что он сам всё знает и ничего не может изменить. Знают что «ты любовь моя последняя, боль моя!» превратилась в разнузданную дрянь. Не знают лишь, насколько щедра она с ним наедине, насколько раньше самоотверженно, а теперь и целенаправленно высасывала его силы и разрушала его личность, ломая его... Совсем, совсем скоро она защитит докторскую, в сущности, с ним, над и под ним, и начнёт свою новую жизнь, в новой вселенной, без него... И вот тогда-то — полное одиночество, а потом, вскоре, пустота и небытие...

Он не обманывал себя, он твёрдо знал, что годы эти были ему расплатой, страшным наказанием за грех давней молодости. Тогда они с Толей сорок лет назад поменялись жёнами — сначала во хмелю, а потом и на трезвую голову, но — спокойно, холодно, смеясь... Никакого счастья это ни им, ни их новым жёнам, ни детям от предыдущих разломанных браков не принесло. Тридцать лет с Полиной были безрадостными от греховности содеянного и вечного, никогда не прерывающегося, иссушающего сопоставления прошлого и настоящего. И когда Полина умерла десять лет тому, он остался наедине с горечью за прошедшие десятилетия и неизрасходованными духовными и жизненными силами в пустой профессорской квартире... Тогда-то и появилась Маша. Тогда она была совсем другой и принесла то, чего он был лишён почти треть века с Полиной. Совершенно естественно, что с годами он не удержал равновесия с молодой любовницей, да и не мог удержать — они жили в разных пространствах, временах и ритмах — её производная рвалась, если и не в небеса, то, во всяком случае, геометрически вверх, а его — к земле. Всё было предопределено... Он и так продержался долго, к сожалению, не совсем достойно... Теперь же он и вовсе на пределе...

Поздним вечером того же декабрьского дня Григорий уехал, а в апреле, возвращаясь из командировки в Москву, во время пересадки на Новосибирском вокзале нос к носу столкнулся со своим бывшим подзащитным — Андреем. Был тот бледен, растерян и не в себе. Времени у обоих до их поездов было много, и пару часов они посидели в вокзальном ресторане. И то, о чём поведал ему собеседник, было равно иррациональным, безрадостным и безысходным. А произошло следующее. Вскоре по-

сле защиты Мария Сергеевна положила глаз на него. Очередь, видите ли, его подошла. Он деликатно отстранился — не нужно ему это было, — год назад женился по любви, малыш родился, дома светло и чисто, а тут развратная баба, да к тому же жена искренне чтимого шефа... Но не тут-то было — она атаковала его по всем направлениям. Не стеснялась она прижиматься к нему и гладить прямо при шефе — при Тарисове. И тот лишь отводил взгляд... Причём неодобрительно... Вот только кого он не одобрял? И всё же Андрей не сдался и в постель к ней не пошёл. С месяц назад не привыкшая к отпору Мария Сергеевна взорвалась: «Ублюдок несчастный, импотент долбаный, ты об этом ещё пожалеешь!».

Сейчас он возвращался из Москвы, из высшей аттестационной комиссии. Пригласили его телефонным звонком, и он помчался, мучимый тревогой и дурными предчувствиями. Как в воду глядел... Инспектор ВАКа в старом здании министерства на улице приснопамятного Жданова, в глубине двора, возле архитектурного института с красивой мозаикой по фасаду, сидел в неухоженной комнате за большим столом. В правой руке он держал стакан с чаем и, беседуя, продолжал его попивать — посетитель-то был не больно важный, зависимый... Левой рукой он достал дело, вытащил из него соединённые металлической скрепкой два листочка и конверт. Положил их на стол, неловко одной левой снял скрепку и протянул машинописный текст собеседнику. Левым же рукавом инспектор прикрыл конверт и оригинальный текст. Это была разгромная анонимка, написанная профессионально, с пониманием вопроса, со знанием деталей и неувязок диссертации. Пока подзащитный читал, зазвонил телефон, стоявший на тумбочке справа от стола. Правая рука по-прежнему была занята чаем, и инспектор повернулся вправо к телефону всем телом и взял трубку левой рукой. В эти секунды конверт приоткрылся, и глаза Андрея увидели, и это было невероятно, это было чудовищно, характерный собственноручный почерк его научного руководителя, его шефа, заслуженного деятеля науки и техники, профессора Тарисова...



Виктор Финкель (1930). Живёт в Филадельфии, США. Опубликовал книги: «Поэты рубежа», «Дикинсон и Цветаева — общность поэтических душ», «Пятьдесят первая командировка», «Водопад смерти», «Любовь и сталь», «Любовь и сталь» (второе дополненное издание), «Орнамент физической лекции», «Портрет трещины» (на русском, английском, венгерском), «Мосты между американской и русской поэзиями», «Штрихи к портрету трещины». Публикации в *The Emily Dickinson Journal*, *Russian Language Journal*, «Новое русское слово», «Слово/Word», «Шалом», «Заметки по еврейской истории», «7 искусств», «Кругозор», «Гостиная», «Мы здесь», «Литературный европеец», «Мосты», «Мастерская», «Зарубежные задворки», «Еврейская жизнь/община», «Навигатор», «Филадельфия», «Посредник», «Новый Континент», «Чайка». Выступил с десятью докладами по вопросам литературоведения на всеамериканских конференциях AATSEEL (American Association of Teachers of Slavic and East European Languages), в том числе о творчестве Дикинсон, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Одним из результатов исследований явилось обнаружение связи между поэзией Эмили Дикинсон, с одной стороны, и поэзиями Анны Ахматовой и Марины Цветаевой — с другой.



[www.mgraphics-books.com](http://www.mgraphics-books.com)  
[mgraphics.books@gmail.com](mailto:mgraphics.books@gmail.com)

ISBN 978-1-950319-99-2



9 781950 319992